

Вячеслав Орехов

Остров Русский

Вячеслав Владимирович Орехов

Остров Русский

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17034918

ISBN 9785447440169

Аннотация

Главный герой – молодой человек, с радостью отправившийся отдать почётный долг Родине и с удивлением обнаруживший, что действительность, мягко говоря, несколько отличается от той, которую он видел в телевизоре и о которой читал в газетах. «Старослужащий земляк, узнав о моём назначении, как-то сострадальчески посмотрел на меня и, аккуратно подбирая слова, пояснил: «У нас на флоте есть поговорка: кто побывал на Русском острове – тому не страшен Бухенвальд. Глупость конечно! Но скучно не будет».

Содержание

Пролог	5
Начало	10
ПТК	15
С прибытием!	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Остров Русский
Вячеслав
Владимирович Орехов

*Телепередаче «Служу Советскому Союзу!»
и газете «Красная Звезда» посвящается*

© Вячеслав Владимирович Орехов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Мы сидим в деревянной беседке детского сада. Летний день близится к концу, детский сад закрыт, и теперь под зеленью выющихся кустарников сидят обитатели нашего двора. Мы неторопливо играем в карты, щуримся от знойных лучей заходящего солнца и слушаем.

Слушаем, не обращая внимания ни на приходящие карты, ни на музыку из модного переносного приёмника, ни на окрики, доносящиеся со двора.

– А «деды» сразу наехали, как вы только в часть зашли? – интересуется Лёха, мой одноклассник.

– Нет, – как бы нехотя отвечает Игорь. – Сначала месяца карантина был, а вот потом в роту привели, и там началось...

Игорь выдерживает паузу, затягиваясь сигаретой.

Да, он умеет выдерживать паузы, умеет красиво говорить и умеет поступать как настоящий пацан. Игорь старше нас на четыре года. Мы только вот закончили школу, а он уже успел отучиться в училище на помощника машиниста и сходить в армию.

– В роте нам сразу сказали, чтобы мы вешались, потому что вечером у всех будет «прописка» и многие останутся без почек, – Игорь презрительно сплёвывает. – Мне-то по фигу, я такое ещё в училище проходил, а вот пацан из Москвы, толстый такой, как запричитал: ой, да как же так? Да что вы

себе позволяете? Надо пожаловаться командованию!

При этом Игорь смешно морщит лицо и пискляво передразнивает. Мы громко хохочем над пугливым москвичом: да, да они все такие! Привыкли там, в Москве, чтобы всё как в кино: метро, консерватория, Кремль, чистота, порядок... А жизни – то и не видели! Толи дело мы, русские пацаны, родившиеся в далёком Узбекистане благодаря непоседливым родителям.

– Ну, а тут выходит такой здоровый сержант и спрашивает: кто здесь из Ферганы? Все притихли, даже «деды». Ну, я, говорю, и чё? – Игорёха снова брезгливо сплёвывает. – А он говорит, типа, меня в начале службы твой земляк, сука, так гонял, что тебе сегодня ночью вообще хана придёт. Лучше вешайся. А я, спокойно так, говорю, мол, посмотрим ещё.

Мы с ненавистью сжимаем кулаки и с пониманием киваем. Да, именно так и мог ответить наш негласный лидер. Именно таким мы его знали всегда. Он не только умел смешно рассказывать новые анекдоты, но и единственный из нас грубил взрослым мужикам, когда нас гоняли с крыш кооперативных гаражей, смело лазил по чужим огородам и подвалам, и также смело заводил разговоры с незнакомыми девочками, пока мы краснели и стеснительно ёрзали. Конечно, он вёл себя так не потому, что был старше нас на целых четыре года, а потому что был действительно крут. И этот его рассказ был лишним тому подтверждением.

– Мне даже «деды» посочувствовали, а москвич вообще

за рукав схватил: ой, давай к командиру части пойдём, это же безобразие! – Игорь опять делает смешное лицо. – А я ему говорю: успокойся, я не из таких передрыг вылезил.

Мы снова хохочем над трусливым москвичом, а Игорь неторопливо раздаёт карты. Во время произвольной паузы, каждый из нас примеряет на себя подобную ситуацию и пытается предугадать дальнейшие события.

А дальнейшие события происходили как в настоящем кинофильме: ночью в каптёрке по отдельности набили морду каждому вновь прибывшему, кроме последнего. Последним, естественно, оказался наш ферганский вожак, который сразу же завернул в челюсть здоровому сержанту, а потом заодно и двум его товарищам.

– Да, – с досадой откровенничает Игорь, – Если бы ещё двое не подоспели, я, может, и отбилсЯ бы. Но впятером меня всё-таки завалили и долго пинали. Во-о-от такой бланш на глазу под утро вылез!

Мы сочувственно киваем.

– А как же офицеры? – осторожно задаёт вопрос его младший брат Петька.

Игорь сурово смотрит куда-то вдаль:

– Я сказал комбату, что это моё личное дело, и я сам разберусь.

В следующие полчаса мы получаем полное описание второго вечера, когда ферганскому герою пришлось вновь вступить в схватку с превосходящими силами противника. Была

разбита губа и кулаки в кровь, но и старослужащие без подарков не остались!

Я не могу спокойно сидеть и периодически зачем-то вскакиваю, растирая ладони. Лёшка не переставая курит, а Петя нервнo кусает губы. Всеми мыслями мы уже там, рядом с нашим старшим товарищем, в холодной казарме стройбата, защищаем честь «настоящего пацана».

Не обращая внимания на нашу бурную реакцию, Игорь продолжает рассказывать об утреннем построении, на которое он приковылял прихрамывая и держась за рёбра, но так и не порадовал командира жалобами.

– Я сам разберусь, – ответ достойный уважения.

Третья ночь сулила новые испытания крепости воли и кулаков, но Игорь был готов ко всему и шёл в казарму, не выказывая и тени страха.

Всё закончилось совершенно неожиданно. Здоровый сержант вдруг остановил «дедов» окриком, пожал игорёхину руку и сказал, что больше никто не посмеет повысить голос на этого смелого человека.

С тех пор, Игорь стал жить припеваючи: получил какую-то тёплую стройбатовскую должность, много спал и вкусно кушал. Ходил в частые увольнения по сочинским пляжам, где базировалась его войсковая часть, и знакомился с многочисленными девчонками, при первой же возможности вешающимися ему на шею....

Боже мой, сколько раз я потом буду вспоминать эту иди-

отскую историю и десятки подобных!

Лишь спустя годы, я узнаю, что его мать, вдова тётя Нина, ездила в Сочи не только навестить старшего сына, но и чтобы потребовать от командования навести в дружном воинском коллективе хоть какой-то порядок и вернуть наручные часы – память о погибшем отце Игоря. Был большой скандал.

Но это потом. А сейчас в мире нет более авторитетного человека. Мы почти боготворим его. Перенимаем манеру говорить, копируем походку и стиль одежды. С ним весело и спокойно. А как же иначе, ведь он видел Жизнь, прошёл тяжёлые армейские испытания и не был сломлен!

Скоро и всем нам предстоит окунуться в этот бурный водоворот событий. Я не знаю, кем стану в далё-ё-ё-ком будущем, после службы. Не знаю, надену берет десантника или фуражку артиллериста, окажусь в заснеженном посёлке крайнего Севера или в закрытом городке Европы. Одно мне известно точно – ближайшей весной я пойду служить в Армию!

Но как раз вот этому и не суждено было случиться.

В Армию-то я так и не попал.

Начало

Наконец, самолёт стал снижаться. За восемь часов полёта удалось немного вздремнуть, но усталость, накопившаяся за последние два дня, казалось, стала ещё больше.

Я, как в тумане, вспоминал жаркое утро и построение в военкомате, тяжёлые минуты прощания с родителями на железнодорожном вокзале и душный плацкартный вагон, привёзший нашу команду в Ташкент. Там нас привели в аэропорт, где мы ещё полдня прождали свой самолёт.

Я уже познакомился с некоторыми попутчиками. Всего нас было чуть больше сотни, но русскоязычных только пятеро. Мы с самого начала решили держаться вместе. Остальные – представители великого узбекского народа. Причём, в большинстве, из далёких кишлаков, где трамваи не видели даже по телевизору. Хотя, и телевизоры тоже... В общем, русского языка эти ребята почти не знали, и, судя по удивлённым лицам, много чего не знали ещё.

Всё это время, каждый из нас пытался выведать у людей хоть как-то причастных к нашему путешествию – куда? Но никто толком ничего не знал или делал вид, что не знает. Мы жарились под палящим солнцем на краю аэродрома, ожидая свой самолёт. Весь наш табор развалился на сумках и рюкзаках. Кто-то дремал, кто-то лениво разговаривал и курил.

Один из моих новых приятелей, Серёга,пил газировку и заговорчески оглядывался. Вчера, на призывном пункте, он был абсолютно пьяным, поэтому сегодня тщетно пытался сопоставить дни недели, своё географическое положение и некоторые события. Наконец, бросив это безнадёжное дело, Серёга пустился в философские размышления о грядущем. Его сдержанная улыбка и прищур глаз выдавали авантюрный характер. Такой нигде не пропадёт.

– Да-а-а, у меня столько делишек на гражданке осталось! Теперь корефанам без меня крутиться придётся! – он хитро улыбнулся. – Ну да ладно. Вы, пацаны, не очкуйте! Всё ништяк будет. Все говорят, что со Средней Азии самые лучшие солдаты получают!

Мы одобрительно закивали – ясное дело!

– Да оно и понятно: у нас ведь самые кручёные пацаны. Всё как надо понимают! – Серёга явно любил выступать на публике. – И ещё очень выносливые. Вон земляки наши из кишлаков, они же с утра до ночи кетменём в поле машут! Похеру им: жара или холод! Разве победишь такого солдата? Он ведь также и с автомата до вечера стрелять будет!

Мы полностью поддержали и это мнение.

– Поэтому и командиры уважают наших пацанов. Не то, что каких-то там москвичей! Вот тех, ваще никто не уважает!

Наша компания взорвалась одобрительными возгласами. Наконец подали самолёт. Это был обычный ТУ-154 с на-

стоящими стюардессами у входа. Вся наша команда неожиданно разделилась пополам. Первая часть с энтузиазмом ринулась на трап, а вторая угрюмо и молча стояла в стороне, давая понять, что никуда лететь на такой мудрёной штуке не собирается. Впрочем, оцепившие нас солдаты очень быстро решили эту проблему с помощью пинков и подзатыльников. Было видно – такое у них не в первой.

Сопровождавший нас молчаливый майор из военкомата оглядел всю нашу ораву и выдернул меня из толпы. Узнав зачем-то мою фамилию, он сунул мне запечатанную картонную коробку и пояснил, что я должен отдать её на другом конце тем, кто нас встретит.

– А «другой конец» – это где? – с замиранием в сердце спросил я. Майор пожал плечами:

– Да я, честно говоря, и сам не знаю. Мне было приказано довести вас до самолёта. Кажется, куда-то на Украину, что ли.

Я забежал на трап и плюхнулся в свободное кресло озабоченный решением двух важных вопросов. Первый: Украина – это хорошо или плохо? И второй: почему из всего табора доверили документы именно мне? В конце концов, я нашёл для себя очень приятный и простой ответ: где-то на Украине меня ждёт головокружительная армейская карьера, которая уже началась с лёгкой руки майора. А значит, всё не так уж и плохо! Я немного успокоился и расслабился.

Самолёт взлетел. Стюардесса в микрофон поприветство-

вала нас, попросив присутствующих не шуметь и, по возможности, не крутить и не нажимать кнопки. Мои перепуганные земляки удивлённо озирались и, в свою очередь, безостановочно крутили и тыкали во всё, до чего могли дотянуться. Наконец нервы бортпроводницы не выдержали, она выскочила в салон и проорала вышесказанное, но уже используя всю красоту могучего русского языка. Присутствующие притихли, съёжившись в своих креслах.

По моим прикидкам, лететь нам было часа четыре, максимум пять. Но полёт затянулся до восьми. Я и не думал, что Украина так далеко! Погружённый в размышления о масштабах нашей огромной страны, я уснул.

Сквозь холодную дымку стали более отчётливо проступать серые леса и ещё заснеженные сопки. Я с прискорбием отметил, что данные пейзажи никак не тянут на богатые просторы Украины.

Появились огни аэропорта, и хотя стюардесса попросила пристегнуть ремни, все повскакивали с мест и прильнули к иллюминаторам. В надвигающихся сумерках появилась большая световая надпись «Владивосток».

Какой-то неприятный комок подкатил к самому горлу. Пугающее предчувствие физически ощущалось где-то в районе солнечного сплетения, а непокорное сознание всё ещё занималось самообманом. Я убеждал себя доводами, что и в приморских городах служат не только моряки. Здесь также необходимы и пограничники, и десантники, и... Да

мало ли кто! Стройбат и тот нужен! Но все надежды рухнули, когда открыли дверь – у трапа стоял морской офицер, с двумя подвыпившими моряками.

Моряки были с усами и широкими лычками на погонах. Громко смеясь и не менее громко ругаясь матом, они довольно убедительно попросили нас бегом покинуть самолёт и построиться у трапа. Вся наша толпа на удивление быстро и без лишнего шума выполнила эту просьбу. Я отдал коробку с документами офицеру и, пользуясь случаем, поинтересовался, куда нас теперь?

– В велосипедные войска, куда ж ещё? – улыбнулся морской офицер.

Да, глуповатый вопрос.

ПТК

После самолёта, мы провели холодную ночь на территории войсковой части в каком-то большом помещении похожем на склад. Ранним утром пешком отправились в баню на территорию другой части, где, как я потом догадался, основная задача была не помыть нас после дальней дороги, а поворовать ценные вещи в процессе помывки. Затем, привели на распределительный пункт с секретным названием ПТК.

ПТК представлял собой территорию большой воинской части в черте города. Здесь были какие-то учебные корпуса, административные здания, а в центре располагалось несколько барачных бараков. Бараки были старые, деревянные и холодные. Мне казалось, что это самое настоящее наследие сталинских времён. Наверное, именно здесь останавливались каторжанские этапы, перед тем как сгинуть где-то на Сахалине или Камчатке. Теперь вот и наш, узбекский, смешавшись с такими же этапами со всей страны, сидел на двухэтажных деревянных нарах, расстелив грязные матрацы и устало дожёвывая домашние бутерброды. Я с тоской смотрел на бритоголовых товарищей, играющих в карты, на постоянно орущих надзирателей в военной форме и понимал, что где-то меня сильно обманули. Вместо почётно-го долга, я буду отбывать срок. А чтобы не возникло желания

досрочно окончить это мероприятие, барак на ночь заперли. Да и периметр войсковой части всегда был под усиленной охраной.

Впрочем, расслаживаться долго на нарах не пришлось. В шесть часов утра нас подняли бегающие с ремнями в руках надзиратели и выгнали на улицу. Было ещё темно и холодно. Пробрасывал мелкий снег. Отходить от барачков запретили и мы, полусонные и замёрзшие, прослонялись возле них до девяти часов.

И вот, наконец, наступило время нормального завтрака! Нас поэтапно начали водить в столовую. После нескольких дней сухомятки, любая горячая еда кажется вкусной. Но что-то меня настораживало в принимаемой пище. Старшины посмеивались и ссылались на приморскую воду, к которой надо привыкнуть. Может быть, может быть. Да и саму столовую я поначалу принял за больницу. В открытые окна вырывался запах каши и медикаментов. Странно как-то! Лишь на следующий день мы узнали, что это любимая забава в вооружённых силах – поить и кормить вновь прибывшее пополнение бромом. Так сказать, чтобы ничто не мешало овладевать воинской специальностью. Я всерьёз начал опасаться, что после такой ненавязчивой «помощи», можно уже никогда ничем и никем не овладеть, вернувшись на гражданку. Но голод взял своё.

В ПТК постоянно происходила смена населения. Приходили всё новые этапы и уходили вновь сформированные ко-

манды по конкретным воинским частям, кораблям и учебкам. В течение всего дня к баракам прибегали посыльные со списками и уводили на медосмотры и собеседования.

Мой новый товарищ Серёга умудрился найти среди местных обитателей земляка уже отслужившего половину срока. Парень оказался не заносчивым и обстоятельно разъяснял нам некоторые постоянно возникающие вопросы. Оказалось, что и в военно-морском флоте есть части, в которых служат не так уж и много, например: морская авиация, морские погранвойск, флотский стройбат (вот те на!) и, конечно же, морская пехота! Это вселяло дополнительную надежду в измученную терзаниями душу.

Однажды, я заметил нездоровое оживление в стане моих земляков. Подойдя поближе, я выяснил, что находящийся в центре внимания щупленький узбек был зачислен в отряд морской пехоты! Обступившие его товарищи восторженно выражали эмоции, а виновник торжества смущённо улыбался и что-то мямлил. Кто бы мог подумать, что этот невысокий, скромный паренёк обладал качествами достойными бойца элитных частей флота! Пробравшись поближе сквозь толпу земляков, я попытался узнать, каким видом единоборств он занимался, какой разряд имел и в каких соревнованиях себя проявил? Обескураженный узбек виновато улыбнулся и на очень ломанном русском объяснил, что ни к чему такому отношения не имеет и всю свою недолгую жизнь работал штукатуром-маляром на строительстве

колхозной фермы. Понятно, решил я, видимо получил приказ не рассказывать о своих подвигах. Они ж там, в морской пехоте, все такие таинственные! Хотя, по штукатуру-узбеку и так особо не видно. Но главное, я всё-таки узнал! Я узнал у него, в каком кабинете сидят морские пехотинцы и проводят свои собеседования! Медлить было нельзя. В конце концов, надо самому решать свою судьбу, а не ждать снисхождения легкомысленной фортуны! Набравшись смелости, я постучал в заветную дверь и шагнул за порог.

В полупустом кабинете сидел, закинув ноги на стол, майор морской пехоты. Нет, правильной сказать, сидел маленький, толстый мужичок в форме майора морской пехоты. Он устало повернул в мою сторону лысую голову с большими усами и спросил:

– Чего тебе?

Справившись с минутным замешательством, я громко выпалил:

– Возьмите меня в морскую пехоту! Я занимался спортом, у меня есть разряд...

Во время краткой самопрезентации, я внимательно следил за майором, потому как понимал – внешность может быть обманчива. Что, если он надумает проверить мою реакцию и в молниеносном прыжке попытается заехать своей короткой ножкой мне в челюсть? Или, на худой конец, выхватит из-за шивороты легендарный метательный нож и воткнёт его в двух сантиметрах от моего уха? Железная воля

было готова ко всему, но вопрос заданный майором, ошарашил меня покруче любого фокуса.

– Какую строительную специальность имеешь?

– Чего?

– Я говорю, на стройке работал?

– Я?... Нет, я сразу после школы... Но я без троек...

– Свободен.

Майор отвернулся к окну и, похоже, сразу обо мне забыл.

Я вышел раздавленный и опустошённый. Двери в элиту флота для меня закрылись навсегда.

Зато вскоре представилась возможность попасть в подводники. Меня с несколькими земляками вызвали на медкомиссию, а потом засунули в барокамеру. Это такая большая бочка, лежащая на боку. Внутри, на двух прикрученных лавочках уселось нас шестеро и ещё два здоровых старшины. Снаружи закрыли люк и начали нагнетать воздух. В ушах почувствовалось нарастающее давление. В самый пик испытания, в моих перепонках послышался писк и какое-то бульканье. Ощущение весьма неприятное. Было даже как-то страшновато. И не мне одному. Перепуганные узбеки повскакивали с мест и начали с криком метаться по бочке. Вот тут игодились два больших старшины, пинками и невесть откуда взявшимися деревянными дубинками принявшие успокаивать будущих подводников.

После испытания в барокамере, нас опять проверили военные медики. Заглянувший ко мне в уши врач мах-

нул рукой и заключил: «Не годен». В общем-то, меня это не расстроило, но уши продолжали болеть. Видимо сказалось осложнение после детсадовской простуды.

В течение последующих нескольких дней, пришлось закапывать уши какими-то выпрошенными каплями и ждать очередного вызова.

Наконец, меня вызвали ещё в один кабинет. Там сидел усатый капитан медицинской службы и что-то быстро записывал. Задав несколько стандартных вопросов, он, даже не посмотрев на меня, постановил:

– Учебка связи, остров Русский. Следующий!

Я отошёл в некоторой растерянности к дверям, а в кабинет, тем временем, вошёл один из моих земляков.

– Фамилия?

– Муртазаев.

– Имя?

– Алимжан.

– Понятно. Тоже – Русский.

– Моя? – лицо Муртазаева удивлённо вытянулось.

– Ну, не моя же, ёб тыть! – не поднимая глаз ухмыльнулся врач. – Следующий!

Удивление узбека ещё более усилилось.

– Нет, нет, – попытался прояснить ситуацию Муртазаев. – Моя сюда из Тошкент приехал, на самолёте...

Теперь и капитан поднял удивлённо брови. Наконец, сообразив в чём дело, офицер театрально развёл руками:

– Да, ну-у-у? А я думал, ты к нам из Рязани с обозом пришёл!

– Какой-такой Ряза...

– Пошёл на хер! – гаркнул капитан. – Следующий!

Я возвращался в барак со смешанным чувством. Во-первых, рассуждал я, если остров, значит вдали от города и цивилизации. Во-вторых, если остров, то так просто оттуда не выберешься. Но ведь, ОСТРОВ! Мне никогда в своей жизни не приходилось бывать на море. Я видел его только на фотографиях и киноэкране. Что уж говорить об островах! Благодаря художественной литературе и многочисленным кинофильмам, слово «остров» ассоциировалось в моём сознании с морскими приключениями, пальмами и зарытыми кладами... Да, детский сад, ей-богу!

Старослужащий земляк, узнав о моём назначении, как-то сострадальчески посмотрел на меня и, аккуратно подбирая слова, пояснил: «У нас на флоте есть поговорка: кто побывал на Русском острове – тому не страшен Бухенвальд. Глупость конечно! Но скучно не будет».

С прибытием!

Катер отошёл от пристани и уверенно устремился к выходу из бухты Золотой Рог. Нас было человек пятнадцать. Из моих ферганских товарищей никого не было, и я опять ощутил на сердце груз тоски и одиночества. Дул холодный встречный ветер. Море и небо имели одинаково серый цвет. На горизонте маячили очертания острова Русский, и я совершенно не удивился бы, увидев пулемётные вышки и приветливо машущие петлями виселицы. За последние дни, мне удалось выслушать массу историй о жизни на этом острове. Рассказы были один страшнее другого.

Я уже с завистью вспоминал довольную физиономию Серёги, попавшего служить в подводники. Его учебка находилась в черте Владивостока, а значит, полагал он, всяко-разно можно вырываться в город. К тому же выяснилось, что во время походов подводникам выдают на ужин вино, и Серёга просто влюбился в эту профессию.

Катер то и дело причаливал к небольшим пристаням. Над заливом угрюмо нависали заросшие хвойными деревьями сопки. Вершины многих из них были увенчаны всевозможными антеннами и радарными. Мы проплывали рядом с серыми ржавыми военными кораблями, которые как каторжане зловеще позвякивали своими цепями. Я никогда в жизни не видел военных кораблей, но познакомится поближе, же-

лания не возникло.

Катер причалил. На деревянном пирсе нас встречало несколько старшин в хорошо отглаженной форме и парочка курсантов из прошлого призыва в старых, выцветших робах. Сам вид учебной части вызывал странные чувства. Людей почти нигде не было видно. Кругом царила какая-то неестественная чистота и порядок: побеленные корпуса, ровные деревья, чистый асфальт и аккуратно подстриженная трава. В центре находилось футбольное поле с большим количеством турников и брусьев по периметру. Видимо не зря, подумал я, любимым занятием по вечерам перед службой у нас во дворе был турник. Забегая вперёд, замечу, что за полгода службы в учебке, нас НИ РАЗУ не привели позаниматься на спортивных снарядах.

Первым делом, конечно, повели в баню.

В бане нас раздели, выдали тазики, именуемые на флоте обрезамы, и загнали в холодное помывочное отделение. Пальцы ног скрючились на промёрзшем кафеле, а из двух кранов текла холодная и чуть тёплая вода. Последняя, впрочем, очень быстро закончилась. Намылить мочалку или голову почему-то оказалось очень сложно. Не менее сложным, получилось потом смыть всё это. Позже выяснилось, что в учебке довольно проблемно с чистой питьевой водой, поэтому её, по возможности, везде заменяют опреснённой морской. Также иногда и в столовой приходилось пить мерзкий чай из такой вот воды.

В конце концов, старшинам надоело такое сонное купание. Они вылили на нас несколько обрезов холодной воды и вытолкали вон. Затем раздали новую синюю робу и привели в ротное помещение.

Наша рота находилась на втором этаже двухэтажного кирпичного здания. Первое, что бросилось в глаза – это количество коек, или как говорят на флоте шконок. Они стояли в три этажа и очень плотно друг к другу. Был свободен лишь средний проход, где и проходили все построения. Курсантов было ещё не много, но уже через пару недель нас стало около 250 человек. Через весь потолок висел транспарант со строкой из устава: «Военнослужащий ОБЯЗАН стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы!»

Пахло краской, новой робой и гуталином.

Вводный инструктаж проводил старшина роты старшина первой статьи Кулябин. Это был старослужащий среднего роста, но явно крепкого физического развития, с гордой осанкой. Хорошо подогнанная и отглаженная форма, лихо задранный на затылок берет и хозяйский голос – всё выдавало лидера старшинской стаи. Неторопливо прохаживаясь вдоль нашего строя и безостановочно накручивая на указательный палец длинный шнурок со связкой ключей на конце, Кулябин пояснил нам, что:

1) Мы – уроды, которых почему-то отправили позорить Флот. Он, старшина первой статьи Кулябин, в свою очередь такого позора терпеть не может, а посему клянётся сделать

всё, чтобы сгноить нас в этом пионерском лагере или воспитать хоть что-то похожее на мужиков.

2) В этом пионерском лагере очень добрый и отзывчивый обслуживающий персонал, на который никто никогда не жалуется. И если кто-то сомневается, пусть, сука, прямо сейчас сделает шаг вперёд.

3) В этом пионерском лагере нормальное питание, потому что на большую землю ещё ни разу не попала ни одна жалоба. Видимо, умозаклучил старшина, никто не пишет. Ведь всё равно, вся корреспонденция с острова перечитывается, и не дай бог!..

4) Здесь нет воровства. Да! Поэтому, если проснувшись поутру, ты не обнаружил берета, штанов или даже носков, то это не у тебя украли, а ты сам всё это прое... ал. Значит, и виноват только ты. Посему, можешь не стесняясь подойти к любому старшине, рассказать о проблеме, и он тут же накажет виновного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.